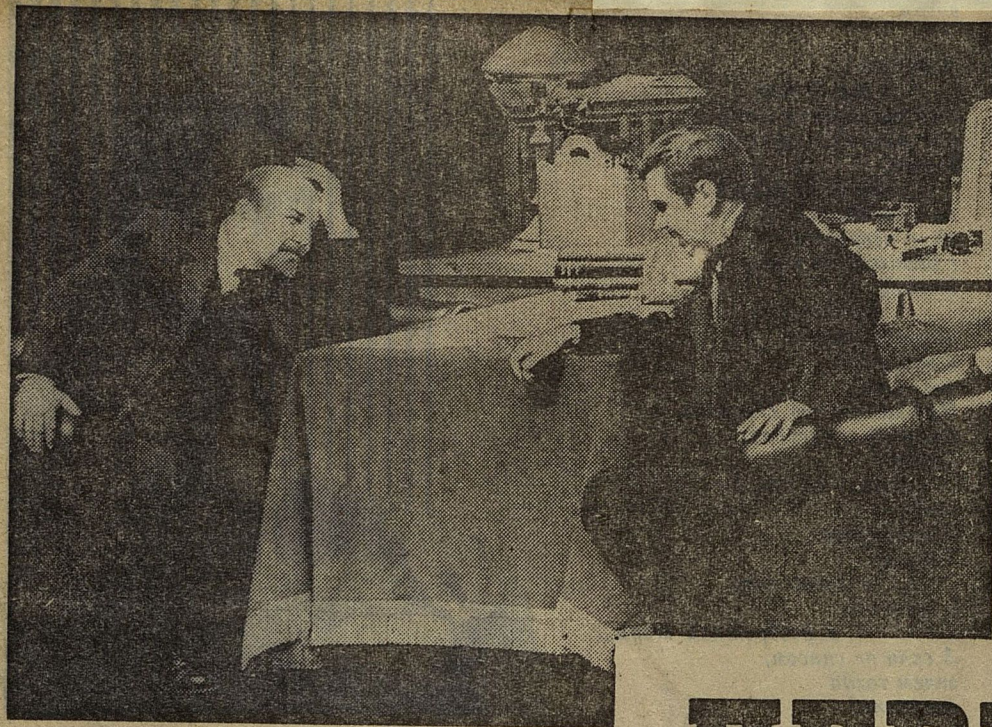

«ТАК ПОБЕДИМ!»

в Московском

Художественном

академическом

театре

имени М. Горького

ходным ^{27 лет} позициям Ленинина, к традициям Щукина и Штрауха? Да, если хотите, но на новом витке спирали. Возвращение к тем рубежам, которые в свое время брали Погодин и Ромм? Да, но затем, чтобы взять рубежи новые.

Весь спектакль идет как сплошной внутренний монолог Ленина, непрерывный взрывчатый спор с оппонентами, которые возникают на сцене, как бы вызванные волей ленинской мысли. Прием монодрамы заявлен режиссером откровенно и прямо.

Десятки лиц, вовлеченных в орбиту напряженного политического действия, обрисованы одной-двумя репликами —

М. СТРОЕВА

но, сколько в его воображении, и этого достаточно, этим их роль исчерпывается.

На сцене живет, действует, волнуется удивительный человек — Ленин, каким его играет Калягин. Совершенно открытие: такого Ленина наша сцена, пожалуй, еще не знала. Это Ленин, поставленный в ситуацию драматического героя. Ленин, переживающий трагедию.

Калягин берет ленинский образ без привычного бытового «утепления», почти без юмора. Он совсем не поучает, не смотрит на происходящее со стороны, с высоты своего положения. Его Ленин — в «грудь дел, суматохе явлений», в труднейшем водовороте событий. Театр не боится показывать Ленина порой страдающим, непонятым. Но даже в этих обстоятельствах видит его прежде всего человеком гигантской наступательной энергии, который ни на минуту не мо-

в одну всеохватывающую идею — идею выбора единственно верного пути к социализму. Тому реальному социализму, который смело идет на преодоление своих противоречий, не боится «ломать и гнуть» отжившие идеи», когда этого требуют интересы народа. Вот почему он так решительно сопротивлялся политическому авантюризму, «комчванству», засилью невежества, бескультурья, «азиатчины». Видел, что сразу национального шовинизма невозможно преодолеть формальным равенством наций. Опасался угрозы раскола и зазнайства в партийных рядах. Понимал, что малейшая политическая ошибка, даже мелочь в выборе средств может привести к искажению самой высочайшей идеи.

Бесстрашие ленинской мысли — вот что потрясает нас сегодня в исполнении Калягина. Умение в трагическую ми-

чать на те сложнейшие вопросы, которые каждый день выдвигает жизнь. Всем очевидно, например, как актуален, злободневен сегодня давний спор с «рабочей оппозицией».

«Мы идем первыми. Дороги нехожены... Самое главное — не ошибиться, верно определить пути, методы, средства достижения цели... Никто в мире не сможет скомпрометировать коммунистов, если сами коммунисты не скомпрометируют себя. Никто в мире не сможет помешать победе коммунистов, если сами коммунисты не помешают ей. Мы нашли верную дорогу! Не сворачивать. Не сворачивать! Так победим!»

Эти слова завершают спектакль. Начинается поименное голосование резолюции, предложенной Лениным. В воздухе еще звучат фамилии делегатов и ответные голоса: «За!», «Против!», «За!», а в это время стены вновь сдвигаются, Владимир Ильич подходит к своему столу, чтобы достать папку со своими последними работами и покинуть кремлевский кабинет навсегда.

Напрасно врачи предписывали Ленину «совсем не думать о политике», а Центральный Комитет давал указания ограждать его от малейших волнений. Даже приговоренный врачами к тишине и покою, не получающий свежих газет, не слышащий тревожных телефонных звонков, Ленин, как прикованный Прометей, не мог не гореть огнем личной ответственности за судьбы страны и мира. Преодоление — вот слово, которое точнее всего определяет величие ленинской жизни «в минуты опасности».

Московский Художественный театр не зря упорно работал над пьесой Шатрова. Сегодня можно сказать, что режиссер Ефремов снова, как в лучшие мгновения своей творческой жизни, совершил настоящий гражданский поступок и вышел победителем. «Так победим!» — может с гордостью повторить теперь МХАТ. Новая ленинская постановка, прикасающаяся к болевым точкам истории и протягивающая тугие канаты в современность, необходима сегодняшней сцене, как воздух.

ПЕРЕД БЕССМЕРТИЕМ

18 ОКТЯБРЯ 1923 года Владимир Ильич Ленин вошел в свой рабочий кабинет в Кремле последний раз.

Зачем приезжал он в Кремль? Что волновало его в те считанные минуты? О чем думал он тогда? Эти вопросы задавал себе, над ними мучился Михаил Шатров, когда принимался писать новую пьесу о Ленине. Эти вопросы задаем себе и мы, сидящие сегодня в зрительном зале Московского Художественного театра.

Драматург предлагает свою версию: Ленин думал о Заветном. О том, что должен успеть досказать людям, уходя от них. О том, каким путем пойдет страна в будущее — без него.

Владимир Ильич понимал, что болезнь необратима, что жить осталось недолго. Удар, случившийся в марте, парализовал речь, отнял возможность писать. Он жил в Горках, оберегаемый от деловых контактов, от волнений, окруженный плотным врачебным контролем. Но мысль работала напряженно, бездействие казалось нестерпимым.

Спектакль МХАТа начинается с того момента, когда Владимир Ильич уже выехал и вот-вот войдет в свой кремлевский кабинет, давно зашторенный, покрытый чехлами и пыльными газетами. Суматоха секретарей. Еще мгновение — и Ленин входит. И тут же сразу стены кабинета, дрогнув, раздвигаются, исчезают во тьме. Пространство сцены, на глазах расширяясь, вбирает в себя то время, когда, полный сил, Ильич стоял у руля государства. Короткие мгновения, проведенные в кабинете, переполняются воспоминаниями. Память волнами, наплывами нагнетает неотступные вопросы, нерешенные проблемы, конденсирует внимание на самом остром и опасном — на том главном, что хотел бы сказать человек перед последней чертой.

«Никогда Ленин не был так велик, как в минуты опасности», — говорилось в обращении ЦК РКП(б) к партии, ко всем трудящимся после смерти Ленина. Шатров взял эти слова, как глубинный движущийся подтекст пьесы. Он назвал ее пуб-

лицистической драмой, и это действительно так, настолько она насыщена сложнейшими политическими дискуссиями, которыми и была до краев переполнена жизнь вождя революции. Дискуссия о Брестском мире, о напе, о профсоюзах, о национальном вопросе, спор с «рабочей оппозицией», которая пыталась противопоставить профсоюзы партии, с теориями Троцкого. Кронштадтский мятеж, угроза раскола в партии, опасность левого и правого уклона, вопрос о характере Сталина и многое другое. Словом, все то, что до предела волновало Ильича в это время.

Как всегда, Шатров опирается здесь на документальный материал, но и не фетишизирует его: отталкиваясь от документа, идет к художественному вымыслу, а фантазию подкрепляет правдой факта. Пьеса становится в какой-то мере итоговой. Драматург, не-

престанно искавший разные пути-подходы к ленинской теме, то совсем уводил Ленина со сцены (как в «Большевиках»), чтобы его образ играли все остальные, то показывал его в решительные минуты (как в «Шестом июля»), то совсем освобождал актера от портретного сходства (как в «Синих конях на красной траве») в поисках свежести восприятия великого образа. И вот наконец пьеса, подводящая итог многолетним исканиям: Ленин, как главный герой, все время на сцене, более того, пьеса звучит как его монодрама.

Режиссер Олег Ефремов так и ставит спектакль: как монодраму. Снова портретный грим, легкий грассирование, темперамент полемиста, ораторский строй речи и наступательная работа мысли, рождающейся тут же, на наших глазах. Что это — возвращение к ис-

четко и лапидарно. Другие (как секретари Ленина — Фотиева — Е. Ханаева и Володичева — Е. Проклова, рабочий Бутузов — Г. Бурков, Варвара Михайловна — Т. Лаврова, или молодой Хаммер — Е. Киндинов) разработаны более подробно и внимательно. Но все подчиняется общему закону публицистической драмы.

Массовые сцены, выразительные пантомимы на вертящемся круге. Собеседники Ленина намечены контурами, плакатно обозначены, лишены психологической глубины, это, скорее, условные знаки того или иного явления, события, той или другой точки зрения.

Можно пожалеть об этом, посетовать на автора и режиссера. А можно и понять, что сама структура моноспектакля не предполагала появления объемных характеров вокруг центрального героя. Они существуют не столько реаль-

но, сколько в его воображении, и этого достаточно, этим их роль исчерпывается.

«Я чувствую свою личную ответственность за то, что будет в России завтра, послезавтра, через пять, через десять, пятьдесят, через сто лет... Я обязан... Я должен...» Эти слова звучат как присяга. «Мне не нужен этот лишний день, если я не выскажу всего... Мне не нужен этот день, если он будет куплен ценой молчания!»

Успеть, только бы успеть сказать все, что разрывает мозг, предостеречь, убедить, переспорить, увлечь за собой, иначе будет поздно, — вот чем живет сейчас Ленин. Он говорит, диктует, читает свои записки, надев очки, и снова диктует, торопясь.

Мысли, которые с яростной одержимостью вырываются из ленинской души, слагаются

нужно позволить себе сбросить с плеч тяжесть ответственности за все, что свершается в стране.

Реальный политик — таким видится ленинский образ. Боец, который бьется за свою правоту, не уступая, так, как бился Ленин за заключение тяжелого Брестского мира. «...Мир для нас, — говорил он тогда, — это не тактическая уловка в минуты бессилия, это смысл всей нашей политики, всей нашей жизни...» Эта мысль звучит с актуальностью живого призыва. Сегодняшняя партийная программа борьбы за мир, против гонки вооружений целиком опирается на ленинские идеи.

На наших глазах история соприкасается с современностью, чтобы преподать ей урок, заново «решать нерешенные вопросы», мужественно отве-